

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2019 г. М.В. Андреева^{1,*}, М.А. Очир-Горяева^{2,3,**}

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия

² Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, РФ

³ Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, РФ

*E-mail: amvlad11@yandex.ru

**E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Бронзовый шлем из погребения у с. Ореховка на Ставрополье хорошо известен в археологической литературе (Павлович, 1995; Симоненко, 2014). Однако в целом яркие погребальные комплексы раннесарматского/позднеэллинистического времени из курганного могильника у с. Ореховка, несмотря на публикацию рисунков в своде материалов второй половины I тыс. до н.э. из Центрального Предкавказья (Прокопенко, 2014а, б), остаются недостаточно полно введенными в научный оборот. В данной публикации приводятся подробное описание двух погребений этого времени и существующие в настоящее время данные об их датировке и общем историко-культурном контексте.

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, раннесарматский период, позднеэллинистический период, могильник, курган, погребение, бронзовый шлем, фибула-брошь.

DOI: 10.31857/S086960630004144-7

Бронзовый шлем из погребения у с. Ореховка на Ставрополье, открытого в 1985 г., хорошо известен в археологической литературе благодаря как специальному исследованию, посвященному его публикации (Павлович, 1995. С. 200–204), так и рассмотрению в составе серий шлемов сарматского времени (Симоненко, 2014). Планы ореховских погребений, относящихся к раннему железному веку, и рисунки вещей из них были приведены в обширной сводке “Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье” (Прокопенко, 2014а; б. Рис. 44, 51, 52). Однако огромный объем представленного и проанализированного Ю.А. Прокопенко материала не предполагал возможность описаний анализируемых объектов и приведения иллюстративного материала в масштабе и качестве, необходимых для полноценного ввода комплексов в научный оборот. Поэтому незаурядный источниковедческий потенциал нерядовых ореховских погребений остается до сих пор недостаточно раскрытым, что и послужило причиной подготовки данной публикации.

В 1985 г. во время спасательных раскопок в зоне строительства 4-й очереди Большого Ставропольского канала в центральной части

Ставропольской возвышенности Петровским отрядом Ставропольской археологической экспедиции ИА РАН было раскопано 10 курганов (Андреева, 1985). Шесть исследованных насыпей находились в 4 км к ЮВ от южной окраины с. Ореховка (с западной стороны непосредственно граничащего с с. Высоцким), на плато, полого понижающемся к С в сторону р. Малая Буйвола. Курганы к ЮВ от с. Ореховка не образовывали единой группы. Все насыпи интенсивно распахивались. Из них один (кург. 4) относился к позднесарматскому периоду, остальные были сооружены в бронзовом веке. Все курганы имели каменные конструкции, для которых использовался известняк в виде равного камня и плитняка. Три погребения раннесарматского времени были впускными в кург. 2 (погр. 4 и 6) и в кург. 5 (погр. 2). Описания первых двух приводятся ниже.

Курган 2 (рис. 1) имел большую насыпь диаметром 70 м и высотой 1,7 м. В насыпи кургана из коричневого суглинка были исследованы две каменные конструкции эпохи ранней бронзы: 1) крепиды и 2) каменная наброска (курганчик) над основным погр. 7 в центре, диаметром 5–7 м, высотой около 1 м от уровня древнего горизонта.

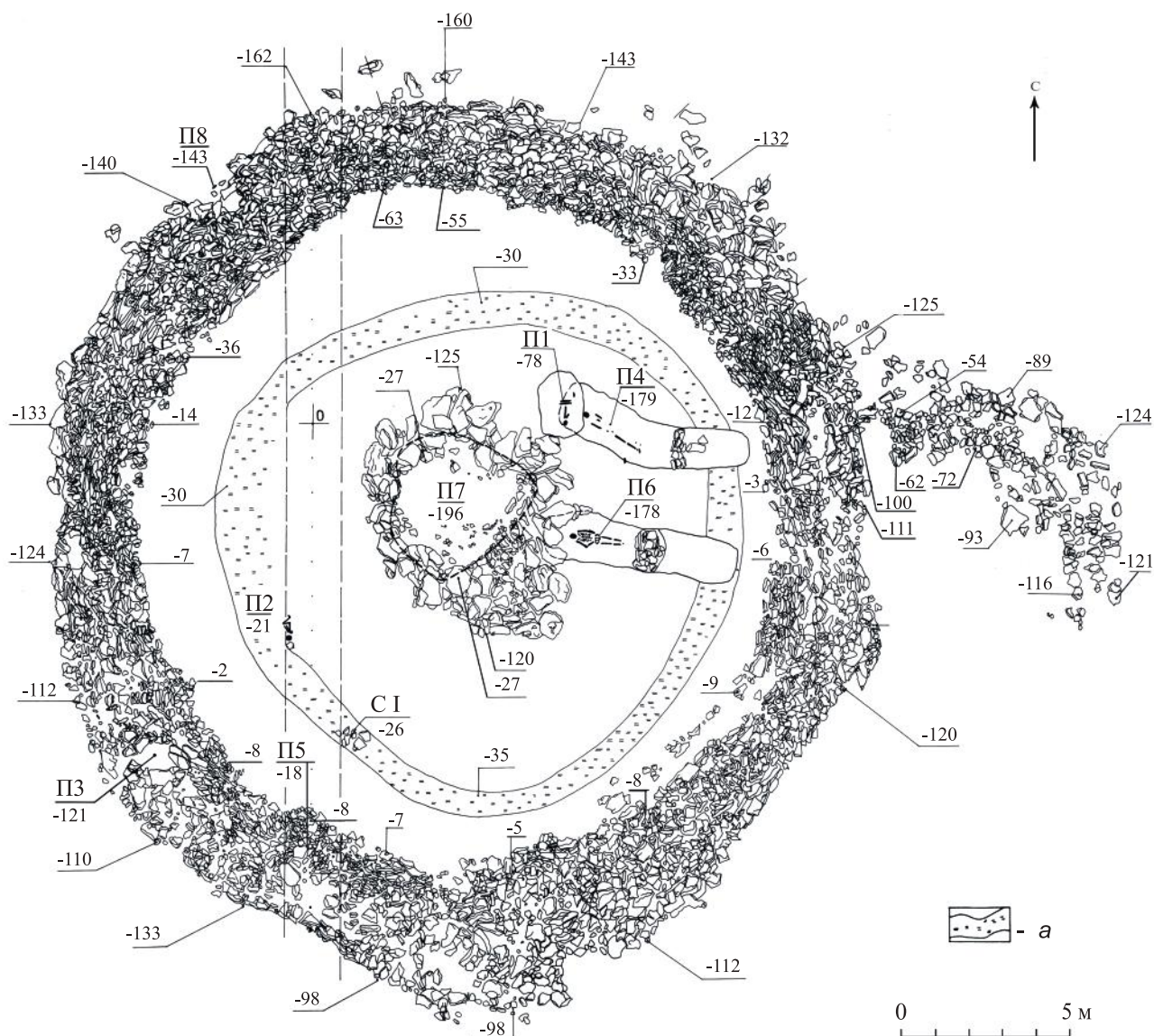

Рис. 1. План кургана 2 у с. Ореховка. Условное обозначение: *a* — слой насыпи II из желтого материкового суглин-ка в горизонтальной зачистке на глубине 30 см от 0.

Fig. 1. Plan view of mound 2 near the village of Orekhovka.

Впускные погребения 4 и 6 были совершены в восточной половине кургана, в пространстве между внутренним верхним краем крепиды и каменной наброской в центре. Контуры входных ям обоих погребений были выявлены при горизонтальной зачистке насыпи кургана внутри крепиды, на уровне верхнего ее края.

Погребение 4 (рис. 2, 1) было совершено в катакомбе. Входная яма имела прямоугольную со скругленными углами форму и была ориентирована длинными сторонами в широтном направлении. Длина ямы 2.2, ширина в восточном конце 0.7, в западном конце — 1.0 м.

Дно входной ямы понижалось с глубины 1.0 до 1.75 м от 0 (центрального репера) к ее западному концу, ко входу в камеру. Вход в камеру был оформлен в виде арки высотой 0.7 м и заложен крупными рваными камнями известняка, сверху покрытыми более мелкими. Кладка мелких камней была на 0.4 м выше арки. После снятия каменного заклада у входа в камеру было найдено большое количество фрагментов дерева длиной до 5–6 см. По расположению фрагментов можно было предполагать, что плахи или столбики были установлены вертикально, по всей высоте арочного входа. Прямоугольная камера, как и входная

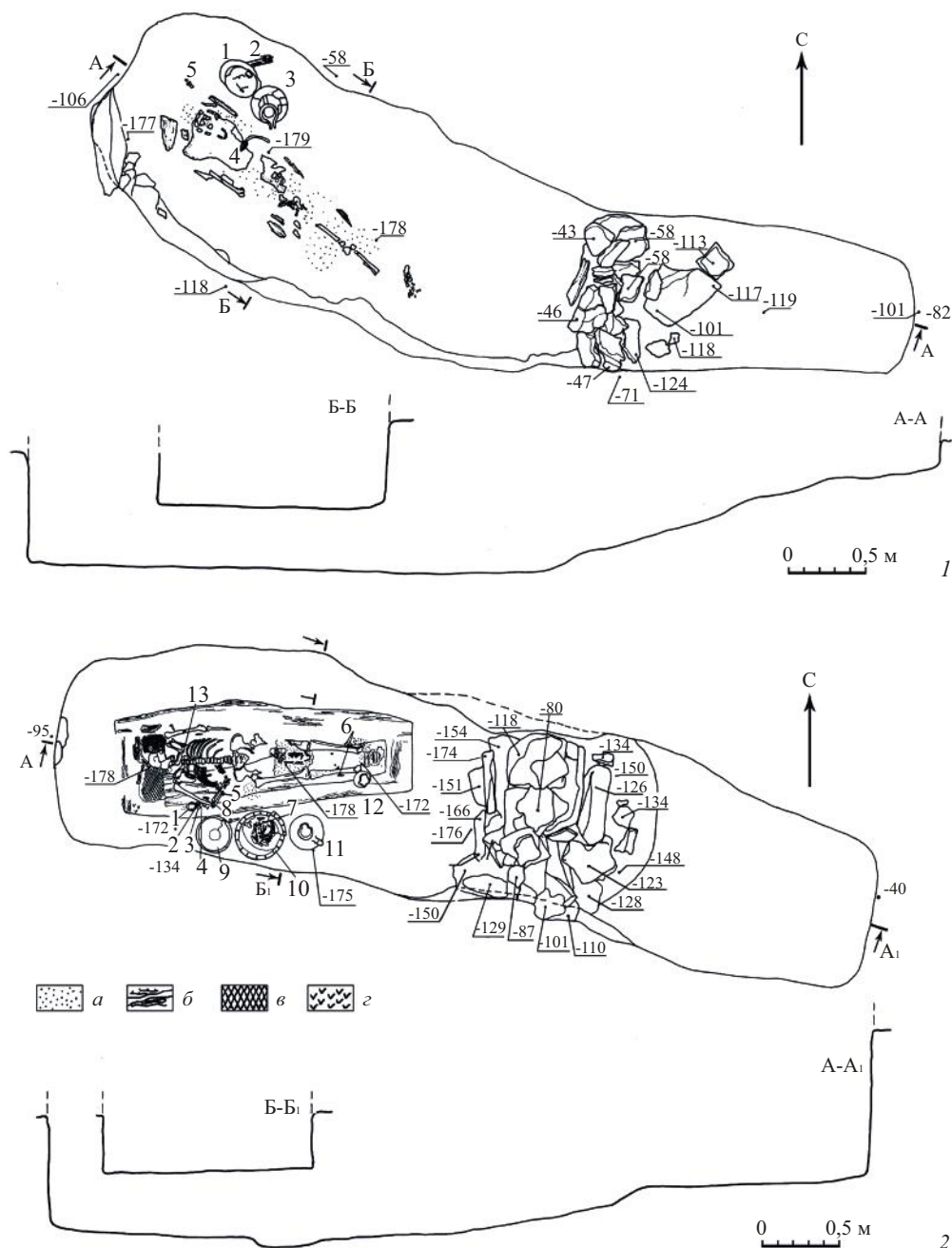

Рис. 2. Погребения 4 и 6 кургана 2: 1 — план и профиль погребения 4 (1 — шлем, 2 — стрелы, 3 — кувшин, 4 — пряжка, 5 — крюк); 2 — план и профиль погребения 6 (1 — кольцо, 2, 5, 6, 13 — бусы, 3, 4, 8 — фрагменты металлических предметов, 7 — нож, 9, 10 — миски, 11 — кувшин, 12 — горшок). Условные обозначения: а — мел, б — древесный тлен, в — войлок; г — угли.

Fig. 2. Burials 4 and 6 of mound 2

яма, была ориентирована широтно (расположена “чулком”), с отклонением к С, возможно, вызванным желанием обойти северо-восточный край центрального каменного курганчика и отчасти — расположенную в насыпи могильную конструкцию погр. 1 (восточнома- нычская катакомбная культура, эпоха средней

бронзы). Горизонтальное дно камеры находилось на глубине 1.78 м от 0, на поверхности материковой скалы. Длина камеры 3.3, ширина 1.3 м. Общая длина погребального сооружения составляла таким образом 5.5 м. Свод камеры был обрушен в древности, высота его не установлена.

Рис. 3. Предметы из погребения 4 кургана 2 (фото): 1 – шлем; 2 – брошь; 3 – колчаный крюк.

Fig. 3. Objects from burial 4 of mound 2 (photo)

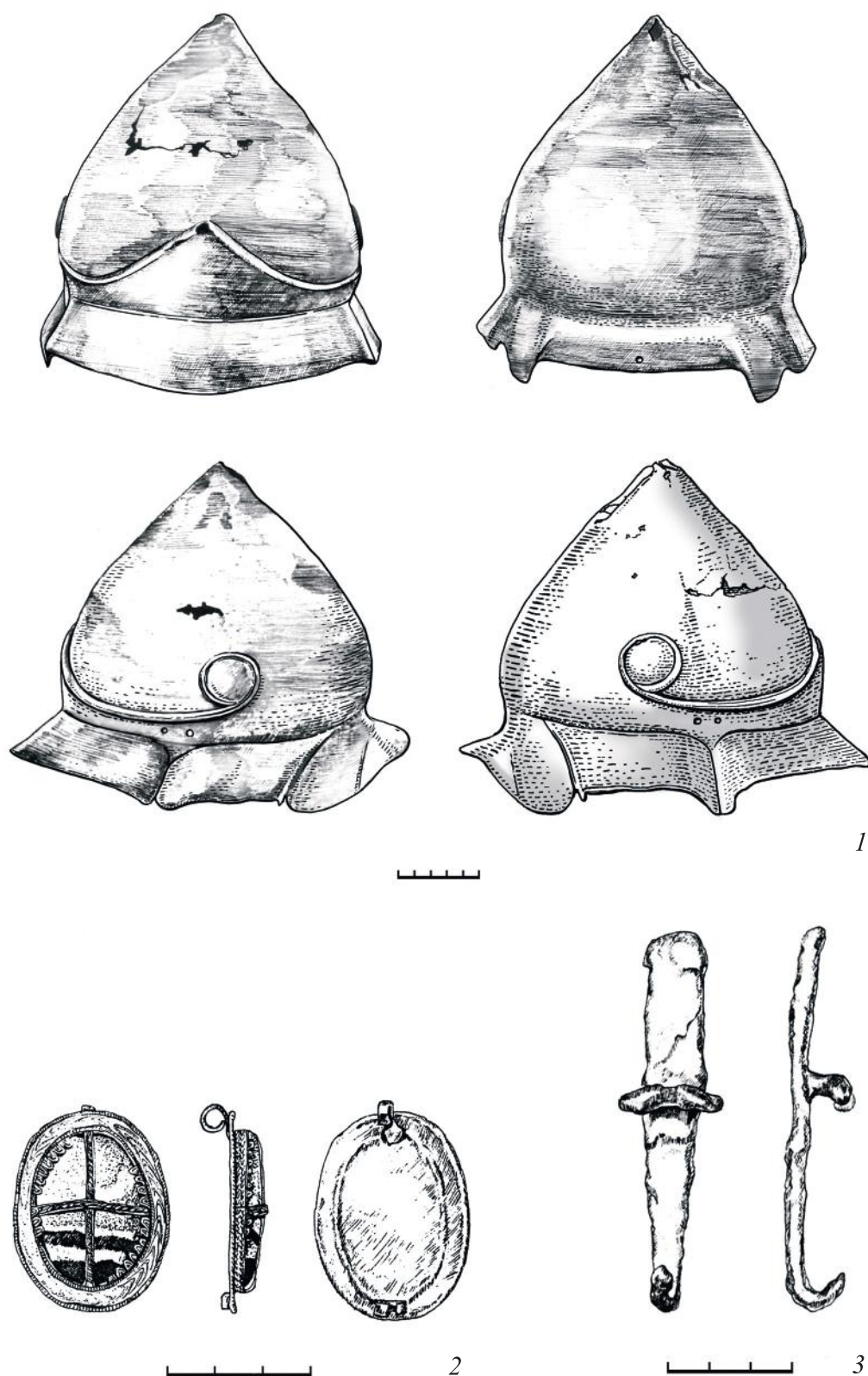

Рис. 4. Предметы из погребения 4 кургана 2 (рисунок): 1 – шлем; 2 – брошь; 3 – колчанный крюк.

Fig. 4. Objects from burial 4 of mound 2 (drawing)

На дне камеры находились останки мужчины юношеского возраста¹. Погребенный был положен на спину вытянуто, головой на СЗ. Кости скелета были плохой сохранности, при зачистке распадались на мелкие фрагменты. На костях сверху и под ними находился обильный древесный тлен от гроба. Непосредственно под костями скелета прослеживались следы органической подстилки и меловой порошок.

На груди погребенного находилась фибула-брошь, видимо, крепившая наплечную одежду (рис. 3, 2; 4, 2). Брошь дисковидной овальной формы состояла из помещенной в обрамление из золота овальной плоской стеклянкой (пастовой) вставки, имитирующей прожилки камня (агата) с переходами от серого к белому и черному цвету. Вставка помещена в овальный сплошной щиток из тонкого золотого листа, передняя поверхность которого украшена золотым филигранным орнаментом: внешний и внутренний (у основания каста) края овала обрамлены рубчатой проволокой, между ними против часовой стрелки выложены заходящие друг в друга уголки из перевитой или рубчатой проволоки меньшего диаметра; на боковой поверхности каста тонкая проволока уложена в два ряда “веревочек”, а верх имеет зубчатый край, также подчеркнутый перевитой тонкой проволокой по верху и основанию (сохранился не полностью), причем каждый зубчик имеет вертикальную выпуклую линию посередине. Поверх вставки напаяна крестообразная накладка из ажурных лент (продольная лента заведена под поперечную) из отрезков гладкой золотой проволоки. Ленты состояли из косичек, заплетенных из двух проволок и заключенных между двумя прямыми. Края лент заведены под вставку и сверху прикрывались верхним зубчатым краем каста (судя по сохранившейся части у краев горизонтальной ленты). Отметим, что в местах крепления крестовины кривизна краев вставки была спрямлена. С задней стороны щитка на одном конце овала припаяна широкая вертикальная петля, с другого конца такая же широкая полоска припаяна горизонтально, загнутые концы ее образуют двойной приемник. Очевидно, что брошь изначально имела две иглы, не обнаруженные при раскопках: возможно, они отсутствовали уже в момент

погребения; однако все же нельзя исключить, что иглы были железными и полностью распались, поэтому не были зафиксированы при раскопках. Размеры броши $4.3 \times 3.4 \times 0.8$ см.

В головах погребенного, с левой стороны, найден железный пластинчатый колчанный крюк с перекалиной (рис. 3, 3; 4, 3). Длина крюка 9.3 см.

Слева от черепа был поставлен бронзовый шлем хорошей сохранности (рис. 3, 1; 4, 1). На лбом изнутри выдавлен валик, образующий треугольник, края которого плавно опускаются к краям и заканчиваются закрученными вверх волнами, образующими округлые выступы над ушной частью тульи шлема. Высота шлема 24, диаметр в месте перехода в тулью 22.5×19 , диаметр края тульи 29×33 см. Толщина стенок шлема 1.5 мм. С двух сторон шлема над складками тульи на расстоянии 1 см друг от друга имелось по два отверстия диаметром ок. 3 мм, предназначенных для крепления отсутствовавших нащечников. Сзади по центру на краю тульи имелось еще одно такое же отверстие. В разных частях шлема имеются следы повреждений в виде вмятин. Задняя часть тульи была прорублена насквозь, края проруба длиной 8 см, были заведены друг за друга. Внутри шлема обнаружены фрагменты кожаной подкладки.

Рядом с левым плечом погребенного, вплотную к шлему стоял сероглиняный гончарный кувшин с высоким узким горлом, разделенным горизонтальным рельефным валиком с острым краем; отогнутым венчиком, переходящим в носик-слив; округлым туловом и уплощенной с внешней стороны ручкой, прикрепленной под венчиком и на плечиках (рис. 5, 1). Поверхность сосуда залощена. По тулову лощение идет в виде сплошных вертикальных полос, практически достигающих дна. Кольцевой орнамент в виде углубленных парных линий проходит по основанию горла и плечикам (на уровне крепления нижнего края ручки) кувшина (линии верхнего кольца более широкие и ровные). Тулово орнаментировано такими же углубленными линиями, объединенными по три в вертикальные “пучки”, которые спускаются от “кольца” на плечиках чуть ниже максимального диаметра. Диаметр венчика — 11.5, дна — 11.5, высота — 36.5 см.

У северной стенки камеры был положен пучок стрел с сохранившимися на момент раскопок древками и с железными втульчатыми трехлопастными наконечниками,

¹ Определения пола и возраста погребенных из курганов у с. Ореховка выполнены антропологом Г.П. Романовой.

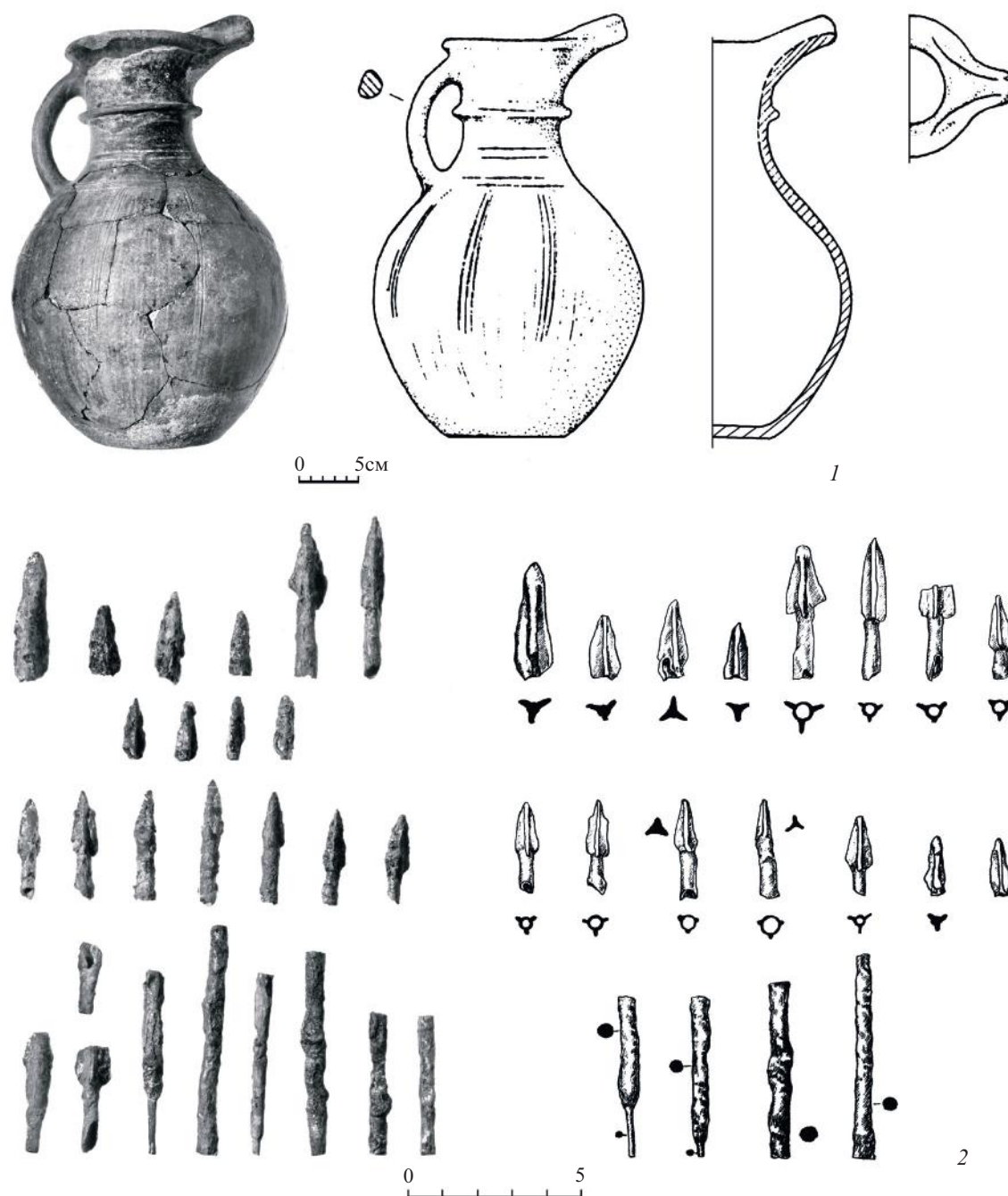

Рис. 5. Кувшин (1) и наконечники стрел (2) из погребения 4 кургана 2.

Fig. 5. Jug (1) and arrowheads (2) from burial 4 of mound 2

направленными остриями к стене (рис. 5, 2). В пучке насчитывалось более 20 наконечников стрел, большей частью фрагментированных. Присутствуют экземпляры со сводчатой и треугольной головкой; с ровным основанием и с концами граней, срезанными под тупым углом к основанию; с ровным и косо срезанным основанием втулки. Длина наконечников (приблизительно) от 2.5 до 4.8 см. Длина втулок

почти во всех случаях составляла почти половину высоты наконечников. Сохранились также несколько фрагментов железных стержней круглых в сечении, длиной 5.5–7 см., диаметром 0.3–0.5 см. Расположение наконечников стрел пучком наводит на мысль о собрании их в колчане. Можно с осторожностью предположить существование истлевшего в процессе археологизации колчана, учитывая

Рис. 6. Предметы из погребения 6 кургана 2: 1 — нож, 2 — кольцо, 1–8 — украшения.

Fig. 6. Objects from burial 6 of mound 2

присутствие в погребении железного колчанного крюка.

Погребение 6 (рис. 2, 2) располагалось южнее погр. 4. Могильная конструкция представляла собой катакомбу, по форме и ориентировке аналогичную катакомбе погр. 4. Расстояние между входными ямами погребений не превышало 2.5 м. Входная яма погр. 6 прямоугольной со скругленными углами формы, длиной 2.0 м, шириной 0.9 — в восточном, и 1.2 м — в западном конце, была ориентирована по линии 3–В. Дно ямы неравномерно (на расстоя-

нии 1.5 м от восточной стенки очень полого, далее более выраженно) понижалось от восточной к западной торцевой стене, перепад высот составлял 0.4 м. Вход высотой не менее 0.6 м имел арочную форму и был заложен горизонтальной кладкой из крупных рваных плит известняка, перед которой со стороны входной ямы были поставлены на ребро несколько небольших плоских камней.

Камера подпрямоугольной в плане формы была ориентирована строго по линии 3–В. Длина камеры — 2.9, ширина — 1.3 м. Дном

камеры была горизонтальная скальная поверхность на глубине 1.72–1.78 м от 0 (возможно, небольшое понижение в центре камеры имело естественный характер). Свод камеры был обрушен, стенки прослеживались на высоту 0.4–0.7 м. В заполнении камеры по всей площади, но более концентрировано в ее центральной части, встречался древесный тлен — остатки гроба. По расположению этих следов можно заключить, что гроб имел бипирамидальную “антропоморфную” форму, т. е. на уровень локтей погребенной приходилось наибольшее расширение. Длина гроба — 1.9, ширина — 0.7 м в головах, и 0.4 — в ногах.

На дне камеры, в гробу находились останки молодой женщины (не старше 25 лет), лежавшей на спине вытянуто головой на 3. Левая рука была вытянута вдоль тела, кисть правой находилась на поясничных позвонках. Лицевые кости были раздавлены рухнувшим сводом и крышкой гроба. Кости скелета плохой сохранности.

Между бедренными костями женщины, под древесным тленом гроба, был обнаружен скелет младенца также плохой сохранности. Младенец лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой ориентирован на В, т. е. к стопам матери. Левая рука младенца, судя по расположению костей, была вытянута вдоль тела, кости правой руки не сохранились. Расположение скелета младенца между ног матери, свидетельствует о том, что это неродившийся плод, который выскользнул при разложении мягких тканей умершей матери. Это феномен получил в криминалистике название “роды в гробу” и встречается в археологии довольно часто (Berg et al., 1981). Вероятно, погребенная ушла из жизни на последних сроках беременности или же умерла во время родов.

По всей площади гроба была прослежена меловая посыпка (на костях женского скелета) и подсыпка (под погребенной, особенно интенсивно под костями младенца) мощностью до 0.5 см. На дне гроба, под меловой подсыпкой, зафиксирован слой органического тлена зеленовато-коричневого цвета от подстилки (войлок?). Под головой погребенной, видимо, была положена войлочная подушка: пятно тлена имело в этом месте форму прямоугольника размерами примерно 15 × 40 × 3–4 см. Внутри гроба, в углу, справа от черепа и у костей правого плеча погребенной отмечены небольшие скопления мелких древесных углей.

Внутри гроба, возле правой плечевой кости погребенной, в районе локтевого сустава лежали компактной группой следующие предметы:

железное сильно корродированное кольцо из прута диаметром 6, сечением 0.3 см (рис. 6, 2);

бусина неровной шаровидной формы из темно-синего стекла с бессистемно расположенными белыми глазками, расколота на две половины; диаметр бусины — 2.5, длина — 2.5, диаметр отверстия — 0.5 см (рис. 6, 3);

бронзовый предмет (подвеска?) неправильной треугольной или секторовидной уплощенной формы с отверстием ближе к углу, размерами 2.0 × 1.7 × 0.24 см, диаметр отверстия 0.2 см (рис. 6, 4);

два мелких фрагмента металлических изделий, один — из железа, второй (серо-сиреневого цвета) из серебра или сурьмы.

Возле шейных позвонков компактной группой располагались бусы и подвески ожерелья:

сердоликовая бусина биконической формы, с отверстием, просверленным с двух сторон, инкрустированная белой пастой; длина бусины — 1.7, диаметр — 0.9, диаметр отверстия — 0.2 см. (рис. 6, 5);

мелкие сердоликовые бусы бочонковидной формы (6 экз.), диаметром 0.5, длиной 0.3–0.7 см (рис. 6, 6);

подвеска (?) каменная (известняковая?) цилиндрической формы; длина 1.9 см., диаметр 0.5 см (рис. 6, 7);

пастовая бусина цилиндрической формы белого цвета. Длина — 0.6 см, диаметр — 0.4 см (рис. 6, 8);

мелкие золотостеклянные бусы фигурной формы (с выступами-“шишечками”) (36 экз.); диаметр 0.4 см (рис. 6, 10);

мелкие золотостеклянные бусы бочонковидной формы (4 экз.); диаметр 0.3 см (рис. 6, 10);

Вокруг костей предплечья правой руки, ближе к кисти, находились золотостеклянные бусы бочонковидной и биконической формы (23 экз.), диаметром 0.3–0.5 см, вероятно, образовавшие браслет (рис. 6, 11).

Вокруг берцовых костей обеих ног, ближе к стопам, компактными группами располагались золотостеклянные бусы биконической формы (39 экз.); диаметр 0.6 см (рис. 6, 9).

В ногах погребенной, непосредственно над костями правой стопы (таким образом, был

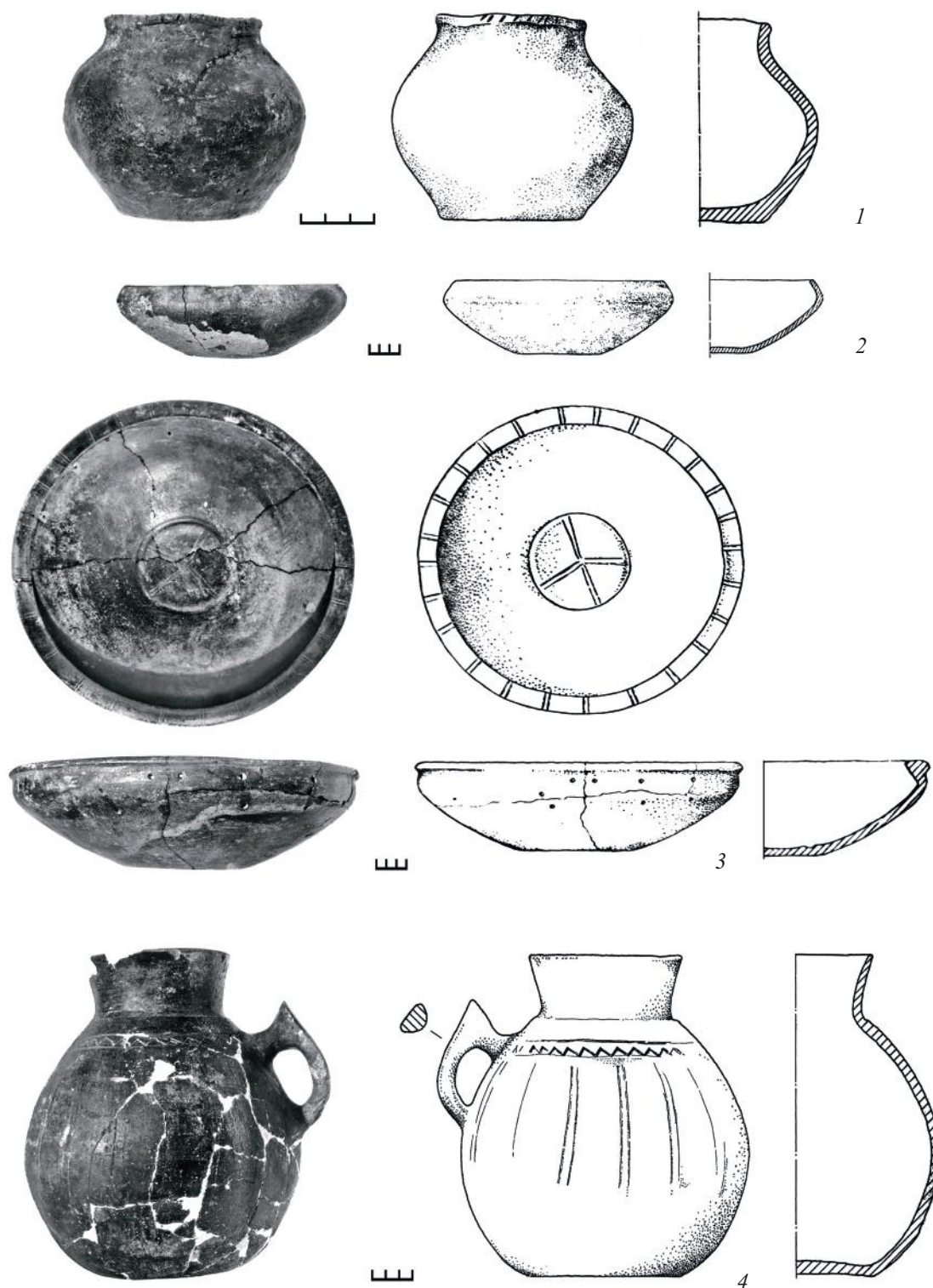

Рис. 7. Сосуды из погребения 6 кургана 2.

Fig. 7. Vessels from burial 6 of mound 2

помещен, вероятно, внутрь гроба), стоял маленький сероглиняный лепной горшок очень плохой сохранности. Внешняя поверхность розовато-бурого цвета, неровная, слегка заглажена. На сохранившемся фрагменте венчика

сохранился орнамент в виде вертикальных насечек. Диаметр венчика 6,5, диаметр дна 6, диаметр тулова 10,5, высота сосудика 9 см (рис. 7, 1).

Вне гроба, справа от погребенной, вдоль южной стенки камеры стояли в ряд две гончарные миски, малая и большая, а также лепной кувшин.

Миска малая сероглиняная с загнутым внутрь бортиком. Диаметр по краю венчика 22, диаметр максимальный 24, диаметр дна 9, высота общая 8, высота верхней части 2 см (рис. 7, 2).

Миска большая сероглиняная, чернолощевая, с уплощенным горизонтальным венчиком. Поверхность миски залощена с обеих сторон. Окружность дна миски изнутри подчеркнута желобком и валиком. Горизонтальная поверхность венчика украшена поперечными прочерченными линиями, соединенными попарно. С внутренней стороны дно орнаментировано, крестообразно разделено радиальными линиями, также парными, прочерченными в виде двух углов, обращенных вершинами друг ко другу. Вдоль наиболее выпуклой части стенок проходила сквозная трещина, охватывавшая почти половину максимального диаметра. Края трещины были скреплены в древности через восемь просверленных попарно с обеих сторон трещины отверстий, диаметром 0.5 см. Одна из трех поперечных трещин также скреплялась с помощью двух аналогичных отверстий. Диаметр миски по внешнему краю венчика 32, диаметр дна 10.5, высота миски 9 см (рис. 7, 3).

Кувшин лепной сероглинянный, чернолощенный, с округлым туловом, широким дном, невысоким цилиндрическим горлом, слегка расширяющимся кверху. Переход от горла к плечу подчеркнут небольшим уступом. Ручка кувшина, полукруглая в сечении, имеет стилизованную зооморфную форму (верхний конец приподнят и заострен). Тулово покрыто лощением в виде сплошных вертикальных полос. Переход от горла к плечам подчеркнут углубленной линией. На плечах и тулове сосуда имеется углубленный орнамент: на плечах, на уровне верхнего крепления ручки сделан горизонтальный пояс (между двумя линиями проходит зигзаг), от которого вниз отходят “пучки” двойных вертикальных линий. Диаметр венчика 11, диаметра горла 9.5, диаметр тулова 21, высота сосуда 24 см (рис. 7, 4).

Внутри большой миски и между мисками найдены фрагменты костей мелкого рогатого скота (часть грудного отдела — позвонки, ребра, лопатка).

Среди костей в большой миске находился железный нож серповидной (?) формы (кончик утрачен). Сохранившаяся длина ножа 8.5, длина черенка 2 см. (рис. 6, 1).

Из восточной части камеры происходят 3 фрагмента железных стержней, круглых в сечении (гвоздей гробовины?), длиной 1.7–2.2, сечением 0.2–0.3 см.

Расположение погр. 4 и 6 в одном кургане рядом и параллельно друг другу, полное совпадение форм и ориентировок могильных конструкций, сходный по богатству и престижности погребальный инвентарь позволяют предполагать принадлежность погребенных к одной семье, возможно, супружеские отношения.

Датировка ореховских погребений в рамках РЖВ определяется, прежде всего, наборами погребального инвентаря².

Посуда. В погребениях Центрального Предкавказья начиная с VII в. до н.э. наблюдается устойчивый набор из кувшинов, мисок, кружек и “корчагообразных” сосудов (Виноградов, 1972. С. 193–204; Абрамова, 1993. С. 61, 62. Рис. 22). Морфология и декор керамических сосудов из Ореховки позволили Ю.А. Прокопенко уверенно включить их в большой массив посуды III–I вв. до н.э. в рамках классификационной схемы, представляющей собой обширную надстройку над типологией, разработанной М.П. Абрамовой (Абрамова, 1993. С. 39–66; Прокопенко, 2014а. С. 385–407).

Кувшин из погр. 4 кург. 2 (рис. 5, 1) соответствует типу 3, варианту “б” (Абрамова, 1993. С. 40–43. Рис. 8) и типу IX, варианту 2 (Прокопенко, 2014а. С. 396; 2014б. Рис. 166), являясь одним из наиболее крупных и изящных по своим пропорциям экземпляров. Ближе всего по пропорциям, оформлению слива, в сочетании с размерами и декором, к кувшину из Ореховки стоит кувшин из территориально далекого памятника погр.7 кург. 1 у ст. Чернорская на левобережье среднего течения Терека (Габуев, 2005. Рис. 1, 2; Прокопенко, 2014б. Рис. 166, 14, 16). Кувшин с зооморфной ручкой из погр. 6 кург. 2 (рис. 7, 4) относится к типу 6, варианту “а” (Абрамова, 1993. С. 42. Рис. 9) и типу IV, варианту 2 (Прокопенко,

² Вещи из раскопок погр. 4 и 6 кург. 2 переданы в Ставропольский государственный музей-заповедник им. Г.Н. Прозителя и Г.К. Пправе (керамическая коллекция) и Государственный исторический музей (прочие находки).

2014а. С. 394; 2014б. Рис. 167). По форме и декору кувшин может быть сопоставлен с экземпляром из сравнительно недалеко расположенного могильника Нижняя Татарка (кург. 2 погр. 5) (Абрамова, 1993. Рис. 9, 11; Прокопенко, 2014б. Рис. 167, 9, 22).

Обе миски из погр. 6 кург. 2 также являются типичными по форме, размерам и орнаментации и относятся: малая миска (рис. 7, 2) к типу 1 (миски с загнутым внутрь краем и узким дном), большая миска (рис. 7, 3) — к типу 2 (миски с плоским расширенным краем, образующим ребро на внутренней поверхности), в классификации М.П. Абрамовой (1993, С. 51, 52. Рис. 14), и, соответственно, типам I и II в рамках схемы Ю.А. Прокопенко (2014а. С. 399, 400; 2014б. Рис. 159, 160, 160А, 160Б). Очень похожая на ореховскую миска типа 2 (по форме, орнаменту по венчику и на внутренней поверхности дна), также имеющая дырочки в стенке для скрепления трещин, происходит из упомянутого выше погр. 7 кург. 1 Чернойарского могильника на Тереке (Габуев, 2005. Рис. 1, 3; Прокопенко, 2014б. Рис. 159, 9, 12; 160Б, 33).

Небольшой лепной горшочек с асимметричным профилем из кург. 2 погр. 6 (рис. 7, 1) включаются в группу так называемых горшковидных ритуальных сосудов типа 1 по М.П. Абрамовой (1993. С. 56. Рис. 19) и тип II, вариант 2 группы горшков по Ю.А. Прокопенко (2014а. С. 390; 2014б. Рис. 164); часто подобные сосуды содержали гальки и/или цепи (символы домашнего очага?), в нашем случае отсутствовавшие. По мнению обоих исследователей, подобные горшки, не характерные для раннесарматских памятников, демонстрируют преемственность с местными керамическими традициями (савроматскими, кобанскими) в степном Ставрополье и в предгорьях Центрального и Северо-восточного Кавказа.

Доспех и оружие. После первой публикации (Павлович, 1995) находка бронзового шлема (рис. 3, 1; 4, 1) всесторонне (включая технологию изготовления: по данным металлографического анализа, проведенного Т.Н. Гошко, шлем “изготовлен путем формирующейковки литой заготовки при невысокой температуре”) обсуждалась А.В. Симоненко и как один из предметов импорта в сарматском комплексе (Симоненко, 2011), и как один из образцов шлемов “типа Пилос (Г. Ваурик) или Конос (П. Динцис)” («разновидность с “бетийскими” складками по бокам тульи»); “Г. Ваурик датирует разновидность Пилоса, к

которой относятся наши шлемы, II—I вв. до н.э.” Появление шлемов типа Пилос в варварских погребениях Северного Причерноморья и Предкавказья (всего 7) исследователь датирует “концом II, возможно, началом I в. до н.э.” (но погребение у с. Ореховка “возможно, чуть позже”), указывая на “наиболее вероятный исторический контекст их [шлемов — М.А., М.О.] попадания к сарматам — события времени Митридатовых войн” (Симоненко, 2014. С. 265. Рис. 10, 4; 12).

Железный колчанный крюк (рис. 3, 3; 4, 3) относится к разновидности пластинчатых крюков с перекладиной; “широкое распространение в центральных районах Северного Кавказа колчанные крюки получают лишь в последние века до нашей эры” (Абрамова, 1993. С. 76, 77). Соглашаясь с этим, Ю.А. Прокопенко разделяет пластинчатые крюки (практически все они сделаны из железа) по форме пластины (спинки) на варианты: 1) прямоугольные; 2) треугольные. Ко второму варианту относится ореховская находка (Прокопенко, 2014а. С. 232, 233).

Железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел (рис. 5, 2) встречаются в Центральном Предкавказье, по данным М.П. Абрамовой, до II в. н.э. Высокие втулки и срезаемые под тупым углом края узких лопастей являются типичными для северных равнинных территорий западной группы Центрального Предкавказья III—I вв. до н.э. (Абрамова, 1993. С. 74–76). Многотысячный массив известных в настоящее время в Центральном Предкавказье наконечников стрел кавказских и степных форм, изготовленных из различных материалов в I тыс. до н.э., был включен в сложноорганизованную классификационную схему Ю.А. Прокопенко, опиравшегося на разработки К.Ф. Смирнова, А.И. Мелюковой, В.И. Козенковой, И.И. Марченко. Представленные в Ореховке наконечники были отнесены исследователем к различным типам: II — с остролистной головкой и выступающей втулкой, III — со сводчатой и треугольной головкой (лопасти срезаны под прямым углом к втулке), V — с ромбической головкой и укороченной втулкой, VI — башневидные наконечники с треугольным завершением головки и параллельными (или почти параллельными) гранями лопастей (Прокопенко, 2014а. С. 215–219; 2014б. Рис. 106).

Ни форма колчанного крюка, ни формы наконечников стрел не позволяют уточнить диа-

пазон возможной даты колчанного набора в рамках III—I вв. до н.э. В этом отношении более перспективна, на наш взгляд, находка в ореховском комплексе железных стержней, представлявших собой переходники от втульчатых наконечников (очевидно, только крупных, имевших втулку соответствующего диаметра) к древку (ср.: Коренько, Найдено, 1977. С. 231. Рис. 3, 3; Березин, Ростунов, 2011. С. 70. Рис. 9, 7, 10, 11)³. В раннесарматских (прохоровских) погребениях железные черешковые наконечники заменяют втульчатые во II в. до н.э., а в памятниках Центрального Предкавказья этот процесс завершается лишь в I в. н.э. (Абрамова, 1993. С. 75). Как отмечает Ю.А. Прокопенко, составные (“втульчато-черешковые”) наконечники “скорее всего... являются переходной формой от втульчатых к черешковым” (2014а. С. 224). Вероятно, немногочисленные находки железных втульчатых стрел со стержнями-переходниками не следует датировать временем ранее II в. до н.э.

Орудия. Железные ножи, в том числе с серповидно изогнутой спинкой и прямым лезвием (рис. 6, 1), не являются в рамках РЖВ датированными ни по форме, ни по расположению вместе с костями мелкого рогатого скота (в миске или без нее).

Украшения. Золотая брошь из погр. 4 кург. 2 (рис. 3, 2; 4, 2) со вставкой из глухого стекла, имитирующей агат⁴, относится к распространенному виду эллинистических полихромных фибул-брошей с двугольными аппаратами и сплошными круглыми или овальными щитками, украшенными филигранью и зернью, со вставками из полудрагоценных камней и стеклянной пасты (классификации фибул-брошей см.: Амброз, 1966; Марченко, 1996. С. 28–32; Treister, 2002; Mordvinceva, Treister, 2007. С. 135–139; Мордвинцева и др., 2010. С. 32–35; Прокопенко, 2014а. С. 346, 347). Основной массив находок происходит из погребальных памятников Прикубанья, восточнее

фибулы-броши встречаются существенно реже (Абрамова, 1993. С. 86. Рис. 28; Прокопенко, 2014а. С. 123, 124; 2014б. Рис. 212). Пик распространения этих, по-видимому, статусных украшений приходится на позднеэллинистический период, II—I вв. до н.э., центром их производства был Боспор (Treister, 2002; Mordvinceva, Treister, 2007). Некоторые фибулы-броши, найденные в погребениях сиракской знати (в частности, украшенные инталиями овальные броши из погр. 13 кург. 3 у ст. Брюховецкой и погр. 10 Песчаного кургана в Краснодарском крае), по мнению И.И. Марченко, наряду с находками других предметов роскоши могли быть подарками Митридата Евпатора “местным царькам” при заключении союза в ходе войн против Рима (Марченко, 1996. С. 128).

На фоне известных экземпляров очевидно своеобразие ореховской броши, которое состоит в малом размере золотого диска оправы по сравнению с размером вставки и в помещенной поверх вставки крестообразной накладке из золотых ажурных лент. Служащая дополнительным креплением и защищающая стеклянную вставку накладка, безусловно, с эстетической точки зрения, придает броши красоту, завершенность и богатый вид несмотря на небольшое общее количество использованного золота, и указывает, с одной стороны, на профессионализм мастера-ювелира, а с другой, возможно, с учетом нестандартности деталей и сравнительно скромной стоимости материалов, — на несколько сниженный личный статус (внутри элитной военной страты) носителя этого украшения.

Наиболее близкие по форме и пропорциям золотые овальные броши-фибулы со сплошным диском, украшенным только филигранью, без дополнительных вставок и зерни, происходят из уже упомянутого погр. 13 кург. 3 у ст. Брюховецкой и из погр. 19 кург. 1 ОПХ “Рассвет” в Краснодаре; оба комплекса имеют даты в пределах II — второй четверти I в. до н.э. (Мордвинцева и др., 2010. № 44. Цв. табл. 9. Табл. 10; № 471. Цв. табл. 13. Табл. 81). Орнаментальные композиции на этих брошах отличны от ореховского экземпляра. Диск броши из Брюховецкой украшен поперечно уложенными S-видными сканевыми спиралями, завитыми вокруг небольших выпуклых полусфер, на диске броши из ОПХ “Рассвет” (которая также первоначально имела пастовую вставку, ныне утраченную) S-видные завитки

³ Ю.А. Прокопенко ошибочно принял эти артефакты за черешковые наконечники. Этому, вероятно, способствовало отсутствие указаний в тексте отчета, что, во-первых, круглые в сечении стержни примыкали к втулкам трехлопастных наконечников и лежали в пятне древесного тлена от древков, и, во-вторых, что фото и рисунок стержней демонстрируют не “выделенный черенок”, а корродированную и сохранившуюся внутреннюю железную часть стержней.

⁴ По мнению В.И. Мордвинцевой, вставка могла быть сделана из фрагмента стеклянного полихромного сосуда.

включены в два ряда “бегущих волн”, обрамляющих внешний и внутренний край диска. Более близким к ореховскому может считаться орнамент на диске овальной фибулы-броши из погребения грунтового могильника Мезмай в Апшеронском районе Краснодарского края (Мордвинцева и др., 2010. № 294. Цв. табл. 1. Табл. 54). Дата комплекса — вторая половина III — первая половина II в. до н.э. Эта брошь существенно больше (ее размеры 5.8×4.8 см) как ореховской, так и двух упомянутых выше, и имеет более широкий диск вокруг сделанной из бусины хрустальной овальной вставки, высоко поднимающейся над зубчатым краем каста. Диск состоит из двух рельефных валиков. «На внешнем рельефном валике напаян орнамент в виде кусочков рубчатой проволоки U-образной формы (имитация венка). На внутреннем валике напаян орнамент “бегущая волна” из S-образных завитков тонкой рубчатой проволоки» (Мордвинцева и др., 2010. С. 295). Сходным образом “имитацией венка” можно считать и орнамент из уголков на диске плоской броши из Ореховки, который, таким образом, не является оригинальным для этого вида украшений в северокавказском регионе.

Ожерелья и браслеты из женского погр. 6 кург. 2, состоящие из разнообразных стеклянных, а также сердоликовых бус, типичны для эпохи позднего эллинизма и в качестве боспорского импорта широко представлены в могильниках Центрального Предкавказья (анalogии бусам с металлической прокладкой и большой сине-белой бусине с глазками см.: Алексеева, 1978. Табл. 26.; 32)⁵.

Интересна большая глазчатая бусина из погр. 6 кург. 2. Помимо большого размера и грубоватости формы и декора, ее отличает состояние (разбита в древности на две равные половины вдоль канала) и положение в погребении: половинки были сложены вместе и находились у правого плеча погребенной вместе с железным кольцом, бронзовой подвеской и двумя мелкими металлическими предметами. Этот своеобразный набор производит впечатление инструментария магической практики, возможно, специфически женской⁶.

⁵ По заключению И.В. Кондратьева, работавшего с ореховской коллекцией бус в конце 80-х годов, регион производства бус с металлической золотой прокладкой была Сирия, глазчатой бусины — Египет.

⁶ Подвеска сходной треугольной формы и размера, но не бронзовая, а сделанная из фрагмента

В рамках позднего (III—I вв. до н.э.) этапа раннесарматского времени. Ю.А. Прокопенко (2014а; б) осторожно относит оба погребения кург. 2 ко II—I вв. до н.э. Бронзовый шлем как наиболее изученный и наиболее информативный предмет делает вероятной датировку погр. 4 кург. 2 концом II — первой половиной I вв. до н.э., и, судя по контексту, та же дата у погр. 6 кург. 2.

За последние полвека в Предкавказье были раскопаны большие серии погребений III—I вв. до н.э. Наиболее близкие к публикуемым комплексы (территориально и типологически) представлены в расположенных незначительно южнее курганных могильниках, по течению р. Томузловка (левый берег) (Прокопенко, 2014б. Карта 2). Надо признать, что катакомбные могильные конструкции ореховских погребений относятся к числу немногих сравнительно полно документированных, поскольку погребения раннесарматского времени, как правило, впущены в насыпь курганов эпохи бронзы, не доходят до материка, и контуры могил не читаются. Руководствуясь планом, можно отнести эти сооружения к катакомбам типа II (оси входной ямы и камеры находятся на одной прямой; так называемые катакомбы-чулки) и III (производного от II) (ось камеры погр. 4 находится под тупым углом к оси входной шахты; возможно, впрочем, что в данном случае отклонение от прямой связано не с обрядовой традицией, а с необходимостью обойти конструкции эпохи бронзы) в рамках классификации, принятой для сарматских катакомб (Смирнов, 1972; Мошкова, Малашев, 1999). Катакомбы II типа известны на Ставрополье как рядом с Ореховкой — в могильниках на р. Томузловке — Новоселицкое, Жуковская группа II, Веселая Роща I и III, (Кореньяко, 1980; Мирошина, 1986; Мирошина, Державин, 1988;), так и существенно севернее — например, в кургане у с. Красногвардейское на р. Егорлык (Березин, Калмыков, 1998), и, кроме того, по всему Предкавказью от Прикубанья до приморской зоны Дагестана (в Центральном и Восточном Предкавказье — преимущественно в степных предгорных районах). Отметим, что в число известных в настоящее время катакомбных захоронений раннесарматской эпохи исследователи обоснованно предлагают включать погребения с не

чернолакового сосуда, обнаружена также в близком по времени женском погр. 2 кург. 5. у с. Ореховка, причем в составе группы предметов, включавшем также бронзовое зеркало, три окатанных фрагмента амфор и камешек-гальку.

прослеженными могильными сооружениями, но с зафиксированным значительным наклоном поверхности под скелетными останками (перепад глубин между нивелировочными отметками у черепа и стоп), поскольку этот признак характерен именно для катакомб (Маслов и др., 2013. С. 35).

Очевидно, стоит еще раз обратить внимание на расположение могильных сооружений в кург. 2 у с. Ореховка. Из известных по публикациям материалов того же времени можно указать на две планиграфически близкие ситуации, причем обе — в могильниках на левобережье среднего Терека. Это, во-первых, погр. 7 и 11 в кург. 1 у ст. Чернойрской (Габуев, 2005) и погр. 1 и погр. 11 кург. 2 у ст. Павлодольской (раскопки В.Л. Ростунова 1984 г.) (Виноградов, Березин, 1985). В первом случае расположенные рядом и параллельно катакомбы содержали захоронения взрослых людей, во втором — женщины старческого возраста и подростка. Отметим, что микромогильник из двух находящихся рядом и близких по времени могильных сооружений может рассматриваться как типологически “промежуточный” вариант между коллективными (часто парными одноярусными) захоронениями в одной катакомбе и курганами-кладбищами со значительным числом индивидуальных и коллективных погребений, получившими в это же время распространение в Предкавказье, главным образом, на предгорных равнинах (Маслов и др., 2013; 2016).

Сложность культурной интерпретации материалов центрально- и восточнопредкавказских погребальных памятников последних веков до н.э. состоит в очевидном для исследователей многокомпонентном сплаве черт сарматской, предшествующей скифской и местной культур, отразившем возникновение нового “ирано-кавказского этнокультурного сообщества”, которое исследователи, вслед за В.Б. Виноградовым, идентифицируют с сиракским племенным союзом (Виноградов, 1965; Виноградов, Березин, 1985. С. 54; Березин, 2012. С. 51). По мнению В.Е. Маслова, “эпохальный процесс культурной интеграции разнородных культурно-этнических групп населения на всей территории Предкавказья, судя по всему, протекал очень быстро”; и важным аспектом этого процесса была седентеризация скотоводческого населения, проявлением чего стало распространение курганов-кладбищ (Маслов и др., 2013. С. 36). Ряд признаков — захоронения в

катакомбах II типа, западная ориентировка погребенных, положение рук (одной руки) на таз, мясная пища (кости мелкого или крупного рогатого скота) в миске — позволяет говорить о “сиракском” облике ореховских комплексов (ср. Березин, 2007. С. 76; 2010 С. 47; 2012. С. 51), имея в виду обрядовое сходство с прикубанскими памятниками этого времени, прочно связанными с этим этнонимом (Марченко, 1996), но не затрагивая, однако, далекие от разрешения вопросы этнополитической истории.

Авторы выражают признательность коллегам — Я.Б. Березину, В.Ю. Малашеву, В.Е. Маслову и В.И. Мордвинцевой за консультации при подготовке публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.). М.: ИА РАН, 1993. 240 с.
- Абрамова М.П., Петренко В.Г.* Погребения сарматского времени из Ставрополя // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.: ИА РАН, 1995. С. 36–43.
- Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н.э. — IV в. н.э.). М.: Наука, 1966 (САИ; вып. Д1–30). 111 с., ил.
- Андреева М.В.* Отчет о раскопках Петровского отряда Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР за 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13580–13583.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978 (САИ; вып. Г1–12). 121 с.
- Березин Я.Б.* Сарматские погребения на территории Пятигорья (по материалам раскопок ГУП “Наследие”, г. Ставрополь) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 8. Армавир: Центр археологических исследований Армавир. гос. пед. ун-та, 2007. С. 67–104.
- Березин Я.Б.* Сарматские погребения на территории Среднего Притеречья (по материалам раскопок 1980-х годов) // Археологический журнал. Вып. III–IV. Армавир: Центр археологических исследований Армавир. гос. пед. ун-та, 2010. С. 32–50.
- Березин Я.Б.* Стечение обстоятельств или трагедия? (об одной любопытной детали погребального обряда) // МИАСК. Вып. 13. Армавир, 2012. С. 48–60.
- Березин Я.Б., Калмыков А.А.* Курган у села Красногвардейское Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного

- наследия Северного Кавказа. Археология. Вып. 1. Ставрополь, 1998. С. 55–95.
- Березин Я.Б., Ростунов Е.В.* Сарматские захоронения Кобийского могильника // МИАСК. Вып. 12. Армавир: Центр археологических исследований Армавир. гос. пед. ун-та, 2011. С. 60–107.
- Виноградов В.Б.* Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. № 1. С. 108–121.
- Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV века до н.э.): Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1972. 389 с.
- Виноградов В.Б., Березин Я.Б.* Катакомбные погребения и их носители Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир / Отв. ред. А.В. Исаенко. Орджоникидзе: СОГУ, 1985. С. 43–62.
- Габуев Т.А.* Две катакомбы сарматского времени у ст. Черная в Северной Осетии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского / Ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. С. 510–514.
- Коренько В.А.* Погребение сарматского времени у с. Новоселицкое в Ставропольском крае // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 96–101.
- Коренько В.А., Найдено А.В.* Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край) // СА. 1977. № 3. С. 230–249.
- Марченко И.И.* Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1996. 335 с.
- Маслов В.Е., Красильников К.И., Пятых Г.Г.* Катакомбные погребения последних веков до нашей эры на территории Дагестана // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 2 / Ред.: Б.Х. Бгажноков, В.А. Фоменко. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2013. С. 33–39.
- Маслов В.Е., Красильников К.И., Пятых Г.Г.* Курганы нижнего Сулака: курган-кладбище № 4 могильника Львовский VII. М.: “Перо”, 2016 (Труды Дагестанской экспедиции. Т. IV). 116 с.
- Мирошина Т.В.* Сарматские погребения, исследованные Ставропольской экспедицией // СА. 1986. № 2. С. 170–179.
- Мирошина Т.В., Державин В.Л.* Сарматские погребения из могильника Веселая Роща III // СА. 1988. № 4. С. 146–156.
- Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В.* Сокровища древней Кубани. Симферополь; Краснодар: Универсум, 2010 (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе; № 4). 448 с.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю.* Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Научные школы Волгоградского государственного университета / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Вол. гос. ун-т., 1999. С. 172–212.
- Павлович Г.А.* Греческий шлем эллинистического времени из Ставропольского края // СА. 1995. № 3. С. 200–205.
- Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 1. Ставрополь: Изд-во Сев.-Кавк. федерального ун-та, 2014а. 446 с.
- Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 2. Ставрополь: Изд-во Сев.-Кавк. федерального ун-та, 2014б. 724 с.
- Симоненко А.В.* Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Нестор-История, 2011. 272 с.
- Симоненко А.В.* Шлемы сарматского времени из Восточной Европы // Stratum plus. 2014. № 4. С. 249–284.
- Смирнов К.Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1. С. 73–81.
- Berg S., Rolle R., Seemann H.* Die Archäologie und der Tod: Archäologie und Gerichtsmedizin. München; Luzern: Bucher C.J., 1981. 168 S.
- Mordvinceva V., Treister M.* Toreutik und Schmuck im Nördlichen Schwarzmeergebiet. 2. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr. Bd 2. Simferopol; Bonn, 2007. 254 S.
- Treister M.Y.* Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms) // Silk Road Art and Archaeology. 2002. V. 8. P. 29–72.

BURIALS OF THE EARLY SARMATIAN PERIOD FROM THE MOUND AT THE VILLAGE OREKHOVKA IN STAVROPOL TERRITORY

Marina V. Andreeva^{1,*}, Maria A. Ochir-Goryaeva^{2,3,**}

¹ Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

² A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

³ Kalmyk Research Centre RAS, Elista, Russia

*E-mail: amvlad11@yandex.ru

**E-mail: mariaochir@gmail.com

The bronze helmet from the burial near the village of Orekhovka in Stavropol territory is well known in archaeological literature (Pavlovich, 1995; Simonenko, 2014). However, in general, the bright funerary complexes of the Early Sarmatian / Late Hellenistic period from the mound cemetery near Orekhovka, are still insufficiently introduced into scientific circulation, despite the publication of drawings as part of a summary of the materials of the second half of I millennium BC from the Central Ciscaucasia (Prokopenko, 2014a, b). This paper provides a detailed description of two burials of the specified period and summarizes the current data on their dating and historical and cultural context.

Keywords: Central Ciscaucasia, the Early Sarmatian period, the Late Hellenistic period, cemetery, burial mound, burial, bronze helmet, brooch fibula.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1993. Tsentral'noye Predkavkaz'ye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.) [Central Ciscaucasia in the Sarmatian period (the 3rd century BC – the 4th century AD)]. Moscow: IA RAN. 240 p.
- Abramova M.P., Petrenko V.G., 1995. Sarmatian burials in Stavropol Territory. *Pamyatniki Evrazii skifo-sarmatskoy epokhi* [Eurasian sites of the Scythian-Sarmatian period]. Moscow: IA RAN, pp. 36–43. (In Russ.)
- Alekseeva E.M., 1978. Antichnyye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of the North Pontic region]. Moscow: Nauka. 121 p. (SAI, G1-12).
- Ambroz A.K., 1966. Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR (II v. do n.e. – IV v. n.e.) [Fibulae of the south of the USSR's European part (the 2nd century BC – the 4th century AD)]. Moscow: Nauka. 111 p., ill. (SAI, D1-30).
- Andreeva M.V. Otchet o raskopkakh Petrovskogo otryada Stavropol'skoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR za 1985 g. [Report on the excavations of Petrovsky detachment of the Stavropol expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences for 1985]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], R-1, № 13580–13583. (Unpublished).
- Berezin Ya.B., 2007. Sarmatian burials in the territory of Pyatigorye (based on materials from the excavations by State Enterprise "Nasledie", Stavropol). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and research on the archaeology of the North Caucasus], 8. Armavir: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 67–104. (In Russ.)
- Berezin Ya.B., 2010. Sarmatian burials in the territory of the Middle Terek region (based on materials from the excavations of the 1980s). *Arkheologicheskii zhurnal* [Archaeological Journal], III–IV. Armavir, Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 32–50. (In Russ.)
- Berezin Ya.B., 2012. Confluence of circumstances or tragedy? (on one curious detail of the burial rite). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and research on the archaeology of the North Caucasus], 13. Armavir: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 48–60. (In Russ.)
- Berezin Ya.B., Kalmykov A.A., 1998. The mound near the village Krasnogvardeyskoye in Stavropol' Territory. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [Materials for the study of the historical-cultural heritage of the North Caucasus], 1. *Arkheologiya* [Archaeology]. Stavropol': pp. 55–95. (In Russ.)
- Berezin Ya.B., Rostunov E.V., 2011. Sarmatian burials of the Kobi cemetery. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and research on the archaeology of the North Caucasus], 12. Armavir: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 60–107. (In Russ.)

- Berg S., Rolle R., Seemann H., 1981. Die Archäologie und der Tod: Archäologie und Gerichtsmedizin. München; Luzern: Bucher C.J. 168 p.
- Gabuyev T.A., 2005. Two catacombs of the Sarmatian period at the settlement of Chernoyarskaya in North Ossetia. *Drevnosti Evrazii: ot ranney bronzy do rannego srednevekov'ya. Pamyati V.S. Ol'khovskogo* [Antiquities of Eurasia: from the Early Bronze to the Early Middle Age. In memory of V.S. Olkhovsky]. V.I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 510–514. (In Russ.)
- Korenyako V.A., 1980. Burial of the Sarmatian period at the settlement of Novoselitskoe in Stavropol Territory. *KSIA* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 162, pp. 96–101. (In Russ.)
- Korenyako V.A., Naydenko A.V., 1977. Burials of the Early Iron Age in the mounds on the river Tomuzlovka (Stavropol Territory). *Sovet. Arkheol.*, 3, pp. 230–249. (In Russ.)
- Marchenko I.I., 1996. Siraki Kubani (po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani) [The Kuban Siraces (based on mound burials of the Lower Kuban)]. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. 335 p.
- Maslov V.E., Krasil'nikov K.I., Pyatykh G.G., 2013. Catacomb burials of the last centuries BC on the territory of Dagestan. *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza* [Archaeology and Ethnology of the North Caucasus], 2. B.Kh. Bgazhnokov, V.A. Fomenko, eds. Nal'chik: Izdatel'skiy otdel Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy, pp. 33–39. (In Russ.)
- Maslov V.E., Krasil'nikov K.I., Pyatykh G.G., 2016. Kurgany nizhnego Sulaka: kurgan-kladbishche № 4 mogil'nika L'vovskiy VII [Mounds of the Lower Sulak: The cemetery-mound № 4 of Lvovsky VII necropolis] Moscow: "Pero", 116 p. (Proceedings of the Daghestan Expedition, 4).
- Miroshina T.V., 1986. Sarmatian burials researched by the Stavropol' expedition. *Sovet. Arkheol.*, 2, pp. 170–179. (In Russ.)
- Miroshina T.V., Derzhavina V.L., 1988. Sarmatian burials from the Veselaya Roshcha III burial ground. *Sovet. Arkheol.*, 4, pp. 146–156. (In Russ.)
- Mordvinceva V., Treister M., 2007. Toreutik und Schmuck im Nördlichen Schwarzmeergebiet. 2. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr. Bd 2. Simferopol; Bonn. 254 p.
- Mordvintseva V.I., Khachaturova E.A., Yurchenko T.V., 2010. Sokrovishcha drevney Kubani [Treasures of the Ancient Kuban]. Simferopol'; Krasnodar: Universum. 448 p. (Drevnyaya toreutika i yuvelirnoye delo v Vostochnoy Evrope, 4).
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., 1999. Chronology and typology of the Sarmatian catacomb burial structures. *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya. Nauchnyye shkoly Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Archaeology of the Volga-Ural region in the Early Iron Age and the Middle Ages. Scientific schools of Volgograd State University]. A.S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 172–212. (In Russ.)
- Pavlovich G.A., 1995. A Hellenistic Greek helmet from Stavropol Territory. *Sovet. Arkheol.*, 3, pp. 200–205. (In Russ.)
- Prokopenko Yu.A., 2014a. Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'ye vo vtoroy polovine I tys. do n.e. [Scythians, Sarmatians and the Koban culture tribes in the Central Ciscaucasia in the second half of the 1st mill. BC], 1. Stavropol': Izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 446 p.
- Prokopenko Yu.A., 2014b. Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'ye vo vtoroy polovine I tys. do n.e. [Scythians, Sarmatians and the Koban culture tribes in the Central Ciscaucasia in the second half of the 1st mill. BC], 2. Stavropol': Izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 724 p.
- Simonenko A.V., 2011. Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya [Roman imports of the Sarmatians of the North Pontic region]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 272 p.
- Simonenko A.V., 2014. Helmets of the Sarmatian period from Eastern Europe. *Stratum plus*, 4, pp. 249–284. (In Russ.)
- Smirnov K.F., 1972. Sarmatian catacomb burials in the Sub-Urals and Volga regions and their relation to catacombs in the North Caucasus. *Sovet. Arkheol.*, 1, pp. 73–81. (In Russ.)
- Treister M.Y., 2002. Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms). *Silk Road Art and Archaeology*, 8, pp. 29–72.
- Vinogradov V.B., 1965. Siraces' tribe confederation in the North Caucasus. *Sovet. Arkheol.*, 1, pp. 108–121. (In Russ.)
- Vinogradov V.B., 1972. Tsentral'nyy i Severo-Vostochnyy Kavkaz v skifskoye vremya (VII–IV veka do n.e.): Voprosy politicheskoy istorii, evolyutsii kul'tur i etnogeneza [The Central and North-Eastern Caucasus in the Scythian period (the 7th–4th centuries BC): Issues of political history, evolution of culture, and ethnogenesis]. Grozny: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatel'stvo. 389 p.
- Vinogradov V.B., Berezin Ya.B., 1985. Catacomb burials and their carriers of the Central Ciscaucasia in the 3rd century BC – the 4th century AD. *Antichnost' i varvarskiy mir* [Classical antiquity and the barbarian world]. A.V. Isayenko, ed. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 43–62. (In Russ.)